

Людмила АЛЕКСЕЕВА

ХЕЛЬСИНКИ – 75: ПРАВОЗАЩИТНОЕ ДВИЖЕНИЕ РОССИИ

АЛЕКСЕЕВА Людмила Михайловна – председатель Московской Хельсинской группы,

Правозащитное движение народилось в СССР за десять лет до подписания Заключительного акта по безопасности и сотрудничеству в Европе – в середине 1960-х годов. В это движение включились граждане, не только осознавшие необходимость расширения гражданских прав (это осознавали уже многие), но готовые на публичные заявления по этому поводу, что было довольно опасно в те времена. Индивидуальные и коллективные обращения к властям с требованиями свободы слова, свободы вероисповедания, национального равноправия и т. д. постоянно направлялись в разные официальные инстанции, хотя самой благоприятной реакцией на эти обращения было молчание. Нередко в ответ применялись репрессии – от увольнения с работы и исключения из института и т. д. до ареста или помещения в психиатрические больницы. Несмотря на репрессии, такие обращения к властям продолжались, так как только диалог между властями и обществом мог способствовать уже осознанной в обществе потребности расширения гражданских прав и возможности активного включения потенциала общества в решение тех проблем, которые правители не могут решить без участия граждан, а граждане не в состоянии решить без подключения государства. После многолетних безрезультатных обращений в самые разные советские инстанции правозащитники пришли к выводу, что власти не желают вести диалог с обществом. Единственным выходом было – искать какого-то посредника за пределами страны, которого власти не могли бы игнорировать. Естественно было их искать в демократических странах Запада. Какие-то контакты у правозащитников там были. Мы знали о выступлениях известных на Западе людей в защиту тех, кто подвергался репрессиям в СССР. Строилась такая защита обычно по корпоративному принципу: писатели защищали преследуемых писателей, ученые вступались за ученых (чаще всего – коллег по своей специальности), баптисты – за баптистов, еврейские организации – за евреев-отказников и т. д.). Только «Международная Амнистия» признавала узниками совести и соответственно защищала самых разных наших сограждан, подходивших под это определение. В 1968 году была сделана попытка обращения в Комитет по правам человека ООН 15 правозащитников, объединившихся в Инициативную группу по защите прав человека в СССР. В своем обращении они писали о самых нетерпимых нарушениях прав граждан: о многочисленных случаях лишения свободы и помещения в психиатрические больницы за убеждения. Ответа из ООН не последовало ни на первое обращение, ни на повторные, а члены Инициативной группы сами подверглись репрессиям.

Особенно упорно размышлял над тем, как принудить власти к диалогу с обществом Юрий Федорович Орлов. Он давно осознал необходимость демократизации советского режима. В 1956 году, после доклада Никиты Хрущева на XX съезде КПСС с разоблачениями преступлений Сталина, Юрий Орлов выступил с этим утверждением на партийном собрании в Институте физики Академии наук СССР, где он, молодой талантливый ученый работал после окончания университета. За это выступление его исключили из партии, уволили из института, и он вынужден был уехать в Армению, так как не имел возможности получить хоть какую-то работу в Москве. В Армении Орлов защитил сначала кандидатскую, а затем докторскую диссертации и был избран членом-корреспондентом местной Академии наук. В Москву он смог вернуться только в 1973 году, получив работу в Институте земного магнетизма АН СССР. Вскоре Орлов обратился с письмом к Леониду Брежневу – он протестовал против преследований А. Д. Сахарова и критиковал советский режим за пренебрежение к правам граждан; и снова был уволен. Юрий Орлов, как и все, прочел текст Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, но вычитал в этом тексте больше всех своих сограждан – в гуманитарных статьях этого документа он увидел механизм налаживания диалога между обществом и властью в нашей стране. Посредниками в налаживании этого диалога должны были стать главы демократических государств, подписавшие Хельсинкские соглашения вместе с Советским Союзом. Они имели возможность и должны были потребовать соблюдения Хельсинкских соглашений в полном объеме, включая гуманитарные статьи, всеми странами – участницами хельсинкского процесса. Проблема была в том, как побудить лидеров демократических стран выполнить эту миссию. Ю. Ф. Орлов придумал единственное, что могли сделать для этого советские правозащитники, а именно: создать группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Эта группа, по мысли Орлова, должна была отслеживать соблюдение обязательств по гуманитарным статьям Хельсинкских соглашений на территории СССР и доводить до сведения всех государств-партнеров случаи нарушений этих обязательств. Эта простая идея оказалась весьма продуктивной.

Юрий Федорович пригласил меня в эту группу и я горжусь, что была среди ее основателей. Группа объявила о начале работы 12 мая 1976 года. Сразу же вместо длинного официального названия «Общественная группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР» ее стали называть «Московская Хельсинская группа». Московская – потому что она была создана в Москве, а Хельсинкская потому, что она базировалась на гуманитарных статьях Хельсинкских соглашений. Властям возразить что-либо против такой группы было трудно, потому что в самом тексте Хельсинкских соглашений содержался призыв к гражданам всех стран-участниц всеми силами способствовать развитию хельсинкского процесса, так как одними силами правительств невозможно осуществить грандиозную цель Заключительного акта совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе – добиться этой безопасности и избавить человечество от кошмара третьей мировой войны.

Однако советских начальников это не остановило. Они попытались помешать объявлению Московской Хельсинкской группы, а когда это не удалось и группа все-таки заявила о своем создании, задержали Юрия Федоровича на улице, доставили в управление КГБ и там предупредили, что создание группы является актом неконституционным и что если она начнет работать, то и Юрий Федорович, который стал руководителем этой группы, и «связанные с ним лица» будут наказаны по всей строгости закона. Насчет антиконституционности приходилось признать, что это так и есть: согласно советской конституции, имела право на существование только такая общественная организация, в которой ядро составляла ячейка правящей в СССР партии – КПСС. В МХГ ни одного члена КПСС не было.

Несмотря на предостережение, мы приступили к работе. То, что делала Московская Хельсинкская группа, сейчас называется словом «мониторинг»: члены Группы выявляли нарушения гуманитарных статей Хельсинкских соглашений на территории СССР, составляли соответствующие документы и предавали эти документы гласности, чтобы добиться соблюдения взятых на себя советским руководством обязательств в области прав человека. На первый взгляд, задача непосильная для 11 основателей Группы, таких же бесправных советских граждан, как и все наши соотечественники, притом что материальной базой, которой мы располагали, были две очень потрепанные пишущие машинки – ничего более. Тем не менее документы выходили один за другим, потому что недостатка в материалах для них не было. В МХГ вошли правозащитники с многолетним стажем участия в движении и у них накопилась масса данных о нарушениях прав человека в СССР, которые подпадали под действие гуманитарных статей Хельсинкских соглашений (бесчеловечные условия содержания политических заключенных, использование психиатрии для политических расправ, препятствование выезду граждан за пределы Советского Союза и т. д.). К тому же зарубежные радиостанции, вещавшие на СССР, сразу же сообщили о создании группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР и постоянно освещали ее работу. Благодаря этому из разных областей и республик к нам потянулись «ходоки» – наши соотечественники с сообщениями о нарушениях их прав и прав их близких. Это были верующие разных конфессий – они информировали нас о религиозных преследованиях; граждане разных национальностей – с жалобами на нарушение национального равноправия; рабочие – с сообщениями о нарушениях социально-экономических прав и т. д.

Сначала мы перепечатывали каждый документ в 35 экземплярах, для отправки в посольства всех стран – партнеров СССР по Хельсинкским соглашениям. И в канцелярию Брежнева. Однако уведомления о вручении приходили только от этого последнего адресата. До посольств наши послания не доходили. Тогда мы стали передавать их разными путями – через иностранных журналистов, через туристов из разных стран, иногда даже через иностранных дипломатов. Достаточно было, чтобы документ достиг одного адреса – Комиссии по безопасности и сотрудничеству в Европе, созданной при Конгрессе США почти одновременно с Московской Хельсинкской группой.

Сотрудники Комиссии переводили наши документы на английский язык и рассылали правительствам всех стран – участниц Хельсинкских соглашений.

Удивительно, но первые девять месяцев МХГ работала почти беспрепятственно. Конечно, была постоянная слежка за всеми членами Группы и прослушивались наши телефоны и наши квартиры, случались вызовы на допрос и обыски. Но арестов не было. Возможно, власти надеялись, что наши усилия не получат отклика, как не получила его Инициативная группа по защите прав человека в СССР, обращавшаяся в Комиссию по правам человека ООН за восемь лет до создания МХГ. Надежды эти не были бессмысленными. Довольно долго заметных откликов на наши документы не было даже из демократических стран. Но неожиданно для нас мы получили существенную поддержку общественности, прежде всего в нашей собственной стране. Через полгода после МХГ и по ее образцу были созданы Украинская Хельсинкская группа и Литовская Хельсинкская группа, а вслед за ними – Грузинская и Армянская, а в Москве были созданы Комитет защиты прав верующих в СССР и Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях. В январе 1977 года возникла Хартия-77 в Чехословакии и Хельсинкский комитет в Польше. Материалов становилось все больше, МХГ работала все интенсивнее, и КГБ решился на аресты: оказавшись перед выбором – ослабление контроля за обществом в своей стране или утрата лица перед западными партнерами по Хельсинкским соглашениям, советское руководство предпочло осложнение отношений с Западом.

В феврале 1977 года были арестованы Ю. Ф. Орлов и член МХГ Александр Гинзбург, прошли также аресты в Украинской Хельсинкской группе. За ними вскоре последовали аресты во всех группах – и в СССР, и в Чехословакии, и в Польше. Приговоры «хельсинкцам» были очень суровыми. Так, Ю. Ф. Орлов был приговорен к семи годам лагеря строгого режима и пяти годам ссылки. Как и следовало ожидать, эти аресты вызвали возмущение общественности в демократических странах-участницах хельсинкского процесса. В них стали возникать хельсинкские группы, которые заявляли, что они стоят на платформе МХГ – хельсинкское движение стало международным. При этом в демократических странах участники хельсинкского движения ставили себе целью добиваться от своих правительств нажима на СССР и его сателлитов с требованиями, во-первых, освободить арестованных членов хельсинкских групп и, во-вторых, соблюдать хельсинкские соглашения в полном объеме, включая гуманитарные статьи. И правительства демократических стран под давлением собственных граждан вынуждены были обращаться с этими требованиями к партнерам из советского лагеря. Огромную роль в консолидации общественного мнения во всех демократических странах – участницах хельсинкского процесса сыграла Американская Хельсинкская группа, созданная в декабре 1978 года, и Комиссия по безопасности и сотрудничеству в Европе Конгресса США (Хельсинкская комиссия, как ее вскоре стали называть для краткости). В октябре 1980 года на Мадридской конференции США, Канада и все демократические страны Европы выступали единым фронтом и жестко требовали от Советского Союза и его сателли-

тов освобождения членов хельсинкских групп и вообще политических заключенных, разрешения на выезд всем советским гражданам, желающим покинуть страну, прекращения преследований верующих, соблюдения национального равноправия и т. д. При этом критика советской практики в области прав человека опиралась на документы не правительственных, а общественных организаций, в первую очередь Московской Хельсинкской группы, что было невиданной прежде практикой для партнеров по межгосударственным соглашениям. Не действовал на критиков и довод советской делегации на Мадридской конференции, что взаимоотношения между властью и гражданами являются внутренним делом каждой страны и не могут обсуждаться на дипломатическом уровне. На это у оппонентов Советского Союза имелись возражения, что хотя это действительно нарушает древнюю традицию, в современном мире такой подход устарел и Хельсинкские соглашения не смогут достичь своей цели – обеспечения безопасности в Европе, если не будут выполняться обязательства по гуманитарным статьям этих соглашений. Без оздоровления взаимоотношений между властью и гражданами в странах с авторитарными режимами, т. е. в СССР и странах советского блока, невозможно создание атмосферы открытости и доверия между всеми государствами – участниками хельсинкского процесса. Можно констатировать, что к 1980 году гуманитарный и правозащитный аспекты Заключительного акта стали определяющими в развитии хельсинкского процесса. Однако, несмотря на единодушие и твердость западных партнеров СССР, страны советского блока не проявляли склонности к уступкам в этой сфере. Наоборот, в СССР прошли массовые репрессии против инакомыслящих. Противостояние казалось безнадежным, но обе стороны не считали возможным отказ от Хельсинкских соглашений, так как те блага, которые они давали обеим сторонам, были реальными и ценились во всех странах – участницах хельсинкского процесса.

Между тем МХГ, которая удивительным образом оказалась тем зернышком, из которого родилось хельсинкское движение, и стимулятором хельсинкского процесса, 8 сентября 1982 года заявила о приостановке своей работы, так как была обескровлена преследованиями. Однако по поразительному стечению обстоятельств именно в тот день в городе Беладжио в Италии завершилась конференция хельсинкских объединений, на которой была создана Международная Хельсинкская Федерация по правам человека, продолжившая работу МХГ по обеспечению материалами о нарушениях гуманитарных статей Хельсинкских соглашений на территории СССР и других стран – участниц хельсинкского процесса. Именно благодаря тому, что эта работа не замерла, в 1986 году на Венской конференции стран – участниц Хельсинкских соглашений глава советской делегации Юрий Кашлев заявил, что советское руководство приняло решение об освобождении всех осужденных по политическим обвинениям, и в течение 1987–1988 годов из мест заключения вышли около трех тысяч человек. К сожалению, приходится констатировать, что это решение было принято под давлением западных партнеров СССР по хельсинкским соглашениям, а не по требованиям советского общества, которое по неведению и равнодушию не проявляло активности в выдвижении та-

ких требований, хотя уже наступила перестройка и давление режима на общество стало снижаться. Обновленное советское руководство – глава государства М. С. Горбачев и тогдашний министр иностранных дел Э. А. Шеварднадзе, активно добиваясь улучшения отношений с Западом, выступили с инициативой проведения очередной конференции стран – участниц по Хельсинкским соглашениям в Москве. Предложение было принято. Конференция была намечена на осень 1991 года. Однако было поставлено условие, что к этому времени будут освобождены все политзаключенные и будут устранены самые вопиющие нарушения гуманитарных статей Хельсинкских соглашений (запреты на выезд из страны и возвращение в нее, преследования верующих, глушение зарубежных радиостанций, вещающих на СССР и т. д.). В 1989 году, в Париже, на очередной конференции стран – участниц Хельсинкских соглашений, Советский Союз должен был информировать своих партнеров о проделанной в этом отношении работе. Благодаря этому с 1990 года советские граждане смогли в массовом порядке получить заграничные паспорта, что обеспечивало им беспрепятственный выезд из страны и возвращение в нее. Был принят закон о свободе совести и прекратились преследования за «неправильное» вероисповедание (баптистов, пятидесятников, адвентистов, свидетелей Иеговы, кришнаитов и т. д.) Были приняты также закон о средствах массовой информации, отменявший цензуру, и закон об общественных организациях, согласно которому получили право на существование независимые общественные организации, в том числе МХГ, восстановившаяся в 1989 году. Сейчас это старейшая из российских правозащитных организаций. В следующем, 2006, году мы будем отмечать свое 30-летие. Сеть правозащитных организаций действует во всех 89 российских регионах. МХГ и ее партнеры – региональные правозащитные организации – ведут мониторинг ситуации с правами человека в Российской Федерации. Его правовой базой служит прежде всего Конституция РФ, которая основывается на принципе «государство для человека», а также международные соглашения в области прав человека, участником которых является Россия, в первую очередь это Европейская конвенция по защите прав человека и основных свобод и, как прежде, гуманитарные статьи Хельсинкских соглашений.

Сейчас российская дипломатия стремится снизить значение Заключительного акта, сократить полномочия миссий ОБСЕ в Российской Федерации и других странах на территории бывшего СССР. Это диктуется общей направленностью российской политики на урезание гражданских и политических прав, гарантированных Конституцией РФ. Однако славная история хельсинкского процесса и его весьма плодотворная роль в демократизации советского режима, в духе и букве принятой в 1993 году Конституции РФ требуют бережного отношения к документу и сохранения всех договоренностей в гуманитарной сфере, достигнутых благодаря хельсинкскому процессу. Одно из самых важных его достижений – протокол, принятый на Московской конференции. В нем записано, что проблемы соблюдения прав человека во всех странах-участницах не могут быть внутренним делом, а являются предметом общей заботы (напомню, что все документы ОБСЕ принимаются на

основе консенсуса, т. е. и протокол был принят с согласия Советского Союза и остальных «стран социалистического лагеря»). Утверждение этого принципа стало подлинной революцией в дипломатии, поскольку сферой ее действия всегда была область межгосударственных отношений. У дипломатов даже считалось дурным тоном, признаком непрофессионализма вмешиваться во взаимоотношения граждан и государства, с которым был установлен дипломатический контакт. Но мир изменился после двух мировых войн, и правила дипломатии тоже требовали модернизации. Дипломатам, действующим в наши дни, трудно представить, что когда-то проблема прав человека их не касалась – сейчас это одно из обязательных направлений в переговорах между демократическими странами и их партнерами на международной арене. Механизм, заложенный в Хельсинкских соглашениях, помогает добиваться признания этих прав.